

обидимии, он в церкви на пении. Да, доброе дело. Но еще само собою и доброе, обаче понеже не во время и с презрением воли божия, како доброе, како богоугодное быти может? Ищут суда обидимии братия и не обретают; влечется дело, а оным бедным самое продолжение прибавляет обиды: странствуют, тоскуют, иждивают много, далече от дому, и там не строятся, и зде разораются. А для чего? Судия богомольствует. О, еще кая ина есть, яко сия молитва в грех! Сие же разсуждение не для судий единых, но на пример токмо, тожде бо и о прочих малых, и великих, и малейших чинах годствует» (С, 97—98). Самая молитва может быть расценена как грех, если потраченное на нее время отрывает человека от выполнения его гражданских обязанностей. Такое понимание долга перед богом было совершенно необычным и новым в русской литературе того времени.

Отказ от этических норм и идеалов, принятых другими проповедниками, предопределил для Прокоповича обновление всего характера проповеди как жанра.

Из сорока способов составления проповедей, известных в Европе, в Киево-Могилянской академии использовалось около двенадцати,²² но каждый из этих способов представлял собой абстрактный канон и не предусматривал связи с современностью, с обстоятельствами слушателей. Эти каноны копировали в основном латино-польскую проповедь, для которой характерно «отсутствие между отдельными частями органической связи».²³ Витиеватое нагромождение словесных украшений и риторических фигур соответствовало вкусу, воспитанному на литературе барокко. Феофан же по существу выступил против этого направления, решительно заявив по поводу проповедей польского иезуита Фомы Млодзяновского: «Самый обыкновенный недуг нашего времени есть тот, который мы не без основания назовем курьезным слогом, потому что в числе других средств для приобретения научной знаменитости ученые хвастуны особенно усвоили себе манеру говорить что-нибудь удивительное, необыкновенное и неожиданное. Поэтому они выдумывают курьезные, но совершенно вялые и смешные умствования и спрашивают, почему в имени святейшей девы или Иисуса Христа находится пять букв, почему бог чрез пророка сказал так, а не иначе?».²⁴

Резко критикуя своих предшественников и современников, Прокопович выдвигал новую теоретическую программу, развер-

²² См.: Н. Петров. Из истории гомилетики в старой Киевской академии. — Труды Киевской духовной академии, 1866, № 1, стр. 97—102.

²³ П. Морозов Феофан Прокопович как писатель, стр. 73.

²⁴ Цит. по: Н. И. Петров. Выдержки из рукописной риторики Феофана Прокоповича, содержащие в себе изображение папистов и иезуитов — Труды Киевской духовной академии, 1865, № 4, стр. 627—628. (Пер. с лат.).